

ЛАНА
СТИНА

ПЛАКСА

ЛАНА СТИНА

ПЛАКСА

*Посвящается Ларисе З.,
которая прожила эту историю
вместе со мной. О друге лучше
я не могла и мечтать*

Пролог

Крики болельщиков оглушали. В воздухе витала легкая атмосфера радостного хаоса. Такого, который бывает, когда человек бесконечно счастлив и его эмоции захватывают с собой и других. Фанаты срывали голос, радуясь победе любимой команды. Хоккейное безумие, окутавшее наш сектор и всю ледовую арену, было таким яростным, что не поддаться ему было просто невозможно. Люди обнимались, плакали, подбрасывали в воздух шарфы с эмблемой любимого клуба. Полностью растворяясь в этом моменте, проживали один из самых ярких эпизодов своей жизни.

Я чувствовала, как слезы катятся по моим щекам, пока смотрела на то, как команда в темно-синих джерси подбрасывает вверх своего игрока номер один. Их эмоции были так горячи, что я бы не удивилась, если бы лед прямо сейчас начал плавиться.

Клюшки были отброшены в стороны, как только прозвенела финальная сирена. Ликование волнами исходило от игроков. Они бросились обнимать друг друга, а болельщики последовали их примеру на трибунах.

Я неотрывно следила взглядом за игроком, забросившим победный буллит. Он снял со своей головы защитный шлем и отбросил его в сторону. Абсолютно счастливая улыбка озаряла родное лицо с глазами цвета морской волны.

Слезы не переставали бежать по моим щекам, но счастье, которое излучал игрок под номером один, дотянулось и до меня, рисуя на моих губах широкую улыбку. Искреннюю. Слезы — это не только про печаль и радость. Это гораздо глубже. Это освобождение того, что мы так долго и упорно закапывали внутри себя. Все непрожитые эмоции, прикрытые запиской с огромной надписью «НЕВАЖНОЕ», которые прячутся в нас так глубоко, что иногда достать их почти невозможно. И эта гора со временем становится такой огромной, что малейший эмоциональный всплеск может вызвать ее крах.

Я плакала от радости за любимого человека, зная, какой путь он преодолел, чтобы быть здесь. Чем ему пришлось пожертвовать и с чем приходилось бороться каждый день. Думала о том, как я обманула его доверие, чтобы увидеть его таким счастливым в любимом деле. И что это стало началом конца всего, что между нами было. Я плакала, потому что была счастлива, но за этим скрывалось еще так много всего.

Я чувствовала, как кто-то сбоку тряс меня за плечи и кричал на ухо, призывая присоединиться к счастливой толпе. Но все это было неважно.

Единственная мысль кружилась в моей голове — и все остальное не имело значения. *У него*

получилось. Он смог снова вернуться в хоккей. Привести свою команду к победе в первом матче сезона. Смог исполнить свою мечту и стать одним из лучших хоккеистов в стране. Я вцепилась пальцами в свое хоккейное джерси, не отрывая взгляда от любимого лица.

Он поднял глаза к трибунам, словно стремился найти кого-то в толпе. И я опустила голову, пытаясь взять под контроль свои эмоции и остаться незамеченной. *Он не знал, что я здесь.*

Спустя несколько ударов сердца я подняла голову, и мои глаза безошибочно нашли мой номер один. Он подъехал к бортикам и, вытянув руки вперед, поймал в свои объятия худенькую блондинку. Она крепко обняла его за шею, а его руки кольцом обвилились вокруг ее талии.

Я должна была быть там, обнимать его и говорить, как сильно я в него верила. Разделить с ним его чувства и праздновать победу. Мое место всегда было рядом с ним. Будь я более внимательной, поняла бы это гораздо раньше.

Мне нужно было спуститься вниз. Никто, даже мои самые близкие друзья не знали, что я буду сегодня на матче. Но я не могла пропустить такой важный *для него* день. Хотела запомнить этот момент. Разделить с ним его счастье и в очередной раз убедиться, что нет ничего невозможного, если чего-то очень сильно захотеть.

АЛИСЕ 8 ЛЕТ

Мы вернулись в Россию, когда нам с братом было по восемь лет. Папа завершил карьеру профессионального хоккеиста, и они с мамой решили вернуться на родину. Я мало что помнила о нашей жизни в Канаде, словно это был просто сон: короткий и совсем не запоминающийся. Зато я отлично помнила тот день, когда мы въезжали в свою новую квартиру, купленную в городе, где родились родители.

Я сидела на скамейке у нашего нового дома и наблюдала за тем, как грузчики вносили в подъезд то небольшое количество мебели и вещей, что у нас было. Мама, папа и мой брат им помогали, мне же было приказано сидеть и не мешаться под ногами. Меня такой расклад вполне устраивал. Я зажала в руках свою мягкую игрушку — лису — и оглядывалась по сторонам. Вокруг были новые многоэтажки, окрашенные в зеленый и серый цвета. Зеленый цвет мне нравился. Помню, тогда все мое внимание привлекала модная детская площадка с большим гамаком. Я любила качаться на гамаке у бабушки на даче, и мне не терпелось побыстрее

опробовать и этот. Но, как бы мне ни хотелось сделать это прямо сейчас, я была послушной девочкой и должна была дожидаться маму или папу, которые меня туда отведут, как только закончат с делами. И Марка с собой обязательно возьмем. Ему понравятся разноцветные турники.

Мне нравился наш новый район: он был очень красиво и современно отстроенным — так говорила мама, а еще рядом был парк, в котором можно гулять с собакой. Когда родители разрешат мне ее завести, конечно же. Надеюсь, они подарят нам ее на день рождения.

Мое внимание привлек большой черный автомобиль, который медленно подъехал к нашему подъезду. Оттуда вышел мужчина, одетый в черный деловой костюм. Мне стало жалко этого человека — на улице лето, и наверняка в такой одежде очень жарко. На мне, как сейчас помню, был нежно-розовый комплект из шорт и майки, но и в нем было жарковато, а каково этому мужчине, даже представить невозможно. Одной рукой он держал телефон у уха, разговаривая с кем-то, а другой открыл заднюю дверь машины и выпустил мальчика примерно моего возраста. Высокого, темноволосого и красивого. Восемилетней мне он определенно понравился.

В одной руке у него была большая спортивная сумка, а в другой — клюшка. Он перекинул сумку через плечо, словно она весила не больше пушинки, и, вздернув голову вверх, направился в наш подъезд. Заметив меня и кучу вещей, он брезгливо поморщился, словно от них исходил неприятный

запах, и обошел стороной. Тоже мне, важный гусь. На входе он столкнулся с моим братом, который выбегал в тот момент, когда мальчик заходил. Брат случайно задел его плечом и, кажется, даже этого не заметил. Но я видела, какой злобный взгляд бросил на него мальчик, прежде чем скрыться в подъезде.

— Лисси, твоя комната готова, мама сказала, ты можешь подниматься, — тяжело дыша, на бегу сообщил мне брат. — Пошли скорее!

Он взял меня за руку, а я, покрепче зажав в руке свою лисичку, прыгнула со скамейки — и мы побежали в подъезд.

Меня до сих пор накрывало от теплых воспоминаний, от радости, которую я испытала, когда узнала, что у меня будет своя комната. Мне не верилось, что этот день когда-нибудь настанет. Когда мы жили в Канаде, нам с Мариком приходилось делить одну комнату на двоих. И до определенного момента мне это нравилось. У нас не было секретов друг от друга, и мы любили играть вместе. Он даже играл со мной в куклы, а я с ним в машинки. Но, как только мы пошли в школу, все поменялось. У Марка появились новые друзья-мальчики, и он любил веселиться с ними. Они часто бывали у нас дома, и каждый раз кто-то из них пытался ко мне прицепиться. Мальчики постоянно трогали мои вещи, дразнили и были очень шумными. Чаще всего я делала вид, что не замечаю их. Иногда Марик успокаивал своих друзей сам, но если они от меня все никак не отставали, я бралась мстить.

Одному из них я покрасила синие сандалии в розовый, стащив у мамы лак для ногтей. Мальчик даже расплакался, когда увидел свою обувь, а я над ним еще и кривлялась, обзывая плаксо́й-ваксо́й. Позже вечером, когда родители того мальчика нажаловались на испорченную обувь их сына, мне влетело от родителей за такую выходку. Но это того стоило, тот мальчик меня больше не дразнил, да и другие стали реже ко мне приставать. И тогда я начала понимать: как бы сильно Марик ни пытался меня защищать, сделать это смогу только я сама.

Вернемся к тому волшебному моменту, когда наконец у меня появилась своя комната. Я видела ее без мебели на картинках, и мама показывала мне, как она будет выглядеть после ремонта. Но мне ужасно хотелось увидеть ее своими глазами. Новенький лифт быстро доставил нас с братом на нужный этаж, и как только его створки открылись, мы побежали к нашей квартире. Марк был быстрее меня и ворвался в дом первым, влетев подобно комете, а я старалась не отставать от него.

При виде нас мама улыбнулась, а затем пожурела за то, что мы бегаем.

— Мама! Покажи, покажи! — Я схватила ее за руку, пританцовывая от нетерпения.

Она рассмеялась, быстро заправила мне за ухо выбившуюся из хвостика прядь и повела в сторону моей комнаты.

— Открывай, — сказала мама, остановившись напротив двери.

Мое сердце билось так часто, словно маленькая колибри, пытающаяся выпорхнуть из клетки.

В предвкушении я взялась за ручку двери и опустила ее вниз, слегка толкая дверь вперед.

Напротив двери было огромное окно с широким белым подоконником, на котором лежало множество разных подушек. Я подбежала к нему и нырнула в груды подушек. Справа от окна стояла двуспальная кровать с деревянным каркасом, окрашенным в белый цвет. Застелена она была нежно-розовым покрывалом, которое сочеталось с цветом стен в комнате. Рядом с кроватью стояла белая прикроватная тумбочка с ночной лампой, а напротив — белый стол с розовым стулом, за которым я буду делать уроки или рисовать. Справа от кровати расположился белый шкаф, а рядом с ним такой же белый, но в два раза ниже, стеллаж для сказок и моих вещей. Это была комната мечты: просторная и бело-розовая, как мои любимые маршмеллоу. В ней я чувствовала себя настоящей принцессой. И с годами это ощущение сказочности никуда не ушло. Я по-прежнему любила свою комнату так же сильно, как и в первый раз.

— Ну как тебе, нравится? — спросила мама.

— Очень! Спасибо, я теперь как настоящая принцесса. — Я крепко обняла маму за талию, и она присела, чтобы ее глаза были на уровне моих.

— Эта комната теперь твоя, и ты можешь решать, кого сюда приглашать. И я счастлива, что она тебе понравилась.

Я вновь обняла маму, но уже за шею. Я ее так люблю.

— Спасибо. Только где будут жить мои игрушки? Я не видела их домика.

— У них будет своя комната, — сказала мама, и мы вышли в холл нашей новой квартиры. — Вот здесь будут жить твои игрушки и игрушки Марика.

Мама открыла дверь в небольшую комнату, по двум стенам которой стояли стеллажи, а у третьей стены, напротив двери, — небольшое кресло. Мои розовые коробки были справа, а игрушки брата — на стеллаже слева. Здесь было очень уютно и можно было прятаться от Марика во время игры в прятки.

— Скажи, это круто! — подбежал ко мне брат и взял за руку. — Здесь столько места для прятков и догонялок!

Я энергично закивала:

— И собачке место найдется, да, мама?

Она широко улыбнулась и потрепала нас с Мариком по волосам, так ничего и не сказав. Ну ничего, мама, у нас еще есть время, чтобы вас с папой уговорить.

Тогда я еще не знала, что через восемь лет все изменится и у нашей семьи будут совсем другие заботы.

АЛИСЕ 16 ЛЕТ

Я никогда не любила осень. Вся эта пестрая красочность листьев на деревьях не внушала мне радости, как и многим другим. У меня она вызывала раздражение и уныние на пару с вечными спутниками осени — грязью и дождями. Летние грозы, в отличие от осенних ливней, я любила. Они были теплыми и ласково касались лица, если подставить его под дождь. Осенние же дожди после себя оставляли лишь грязь и зябкий холод. Единственный плюс в осени — после нее приходила любимая мной зима.

Но, как бы иронично это ни было, впервые за много лет погода за окном соответствовала моему настроению: на сердце холодно и мрачно. Мама с папой разводятся. И хотя у них это все прошло мирно и оба заботились о том, чтобы мы с Мариком чувствовали себя хорошо, насколько это возможно в данной ситуации, наша семья пережила тяжелое время. Я никак не могла принять то, что папа больше не будет жить с нами. Слишком странно представлять родителей по отдельности. И не могла избавиться от грусти и чувства потери чего-то ценного. Говорили, что все наладится, но

я чувствовала, что это не так. Конечно, я понимала, что со временем это пройдет, но сейчас каждый день это чувство было со мной.

— Лисси, ты чего зависла? — наклонившись ко мне, прошептал на ухо брат.

Я отвела взгляд от окна и посмотрела в лицо Марика. Между бровями залегла хмурая складка. Я попыталась разглядить ее пальцем и улыбнулась:

— Все хорошо, просто задумалась.

Марик покосился на учительницу, которая была поглощена чтением отрывка из поэмы Ахматовой «Реквием». Мне нравилось творчество Анны Андреевны и то, как учительница красиво читает, но сегодня мне не было до этого никакого дела.

— Не знал, что ты это умеешь.

Я толкнула брата локтем в бок:

— Как ты разговариваешь со своей сестрой?

— Со всей любовью, на которую я только способен.

Я улыбнулась. С возрастом мы с братом стали ближе, чем в детстве. И он единственный лучик солнца в этом осеннем мраке. Или почти единственный.

— После уроков я заскочу домой, заберу вещи и уеду на все выходные, ты не забыла? — склонившись к моему уху, шепнул Марик.

Я отрицательно покачала головой:

— Я испеку пирог к твоему приезду. Твой любимый, с вишней.

Брат потрепал меня по волосам в знак благодарности. Марик — хоккеист, он целиком и полностью перенял любовь к хоккею от нашего папы. Он не

просто играет в хоккей, но и живет так, словно безо льда не видит смысла в жизни. Брат целиком и полностью посвятил себя с раннего детства хоккею и мечтает стать самым лучшим игроком как минимум нашей страны, а как максимум — мира. Его фаворитом с самого детства был Александр Овечкин, и он на него равнялся, желая однажды схлестнуться с ним в борьбе на льду. Я поддерживала его как могла, скучала по нему каждый раз, когда он уезжал на выездные игры. Может, это и глупо, но за все эти годы мы не расставались с ним дольше чем на серию выездных игр. Мы всегда были вместе. И даже короткая разлука была для меня непривычной.

Кто-то легонько похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я увидела смущенную улыбку моей одноклассницы Оли и записку, которую она мне протягивала. Я взяла ее, одними губами прошептала «спасибо» и отвернулась, пока учительница не заметила.

Я раскрывала записку с легкой улыбкой на губах. Я знала, что она от Вани, и мне не терпелось ее прочитать.

*Приходи сегодня к нам после школы, посмотрим фильм. Дома будет только Алекс, родители уехали с мелкими на дачу на все выходные.
Пы.сы. Ты сегодня особенно красивая 😊*

Мое сердце сжалось от нежности, и я улыбнулась. Посмотрев в ту сторону, где сидел Ваня, я увидела, что он наблюдает за мной. Я прошептала: «Я люблю тебя». И на его тонких губах появ-